

УДК 008(091)(476-25):81'22

UDC 008(091)(476-25):81'22

СЕМИОТИКА МИНСКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ БОЛЬШОГО ГОРОДА ВЯЧ. ВС. ИВАНОВА

SEMIOTICS OF MINSK IN THE CONTEXT OF CULTURAL HISTORY OF BIG CITY OF VYACH. VS. IVANOV

О. М. Соколова,
*соискатель ученой степени
кандидата культурологии БГУКИ*

O. Sokolova,
*Applicant for candidate's degree
of culture studies, BSUCA*

Поступила в редакцию 28.10.15.

Received on 28.10.15.

В основе исследования – положения статьи Вяч. Вс. Иванова «К семиотическому изучению культурной истории большого города», впервые опубликованной в Тарту в 1986 г. Идеи ученого осмысливаются в контексте анализа семиотического пространства Минска. Анализируются такие аспекты семиотического изучения культурной истории города применительно к семиотике культурного пространства Минска, как экономическая притягательность символических мест, полнота морфологического состава городского текста, тип организации города, культовые доминанты городского пространства: гора и храм, сакральная интерпретация городских ворот, связь трагедии с мифологией основания города, символическая репрезентация ключевой фигуры героя, многоязычие, а также соотнесение города с литературным жанром романа. Делается вывод об актуальности семиотического подхода в изучении Минска как уникального культурного феномена, требующего более глубокого познания.

Ключевые слова: семиотика, культурное пространство, городское семиотическое пространство.

The study is based on V. Ivanov's article "To semiotic study of cultural history of a big city", first published in Tartu in 1986. The ideas of the scientist are comprehended in the context of Minsk semiotic space analysis. Such aspects of the semiotic study of the city cultural history in relation to the semiotics of cultural space in Minsk as the economic attractiveness of symbolic places, the completeness of morphological composition of the urban text, the type of the city organization, the cult dominant of urban space: the mountain and the temple, the sacred interpretation of the city gates, the relationship of the tragedy with the mythology of the city foundation, the symbolic representation of a hero key figure, multilingualism as well as the correlation of the town to the literary genre of the novel are analyzed. The author concludes about the relevance of the semiotic approach to the study of Minsk as a unique cultural phenomenon that requires a deeper knowledge.

Keywords: semiotics, cultural space, city semiotic space.

Введение. Работы лингвиста, семиотика и антрополога Вяч. Вс. Иванова оказали большое влияние на развитие семиотики. Его труды 1960-х гг. о предмете семиотики, наряду с работами Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова и др., послужили идейной основой для такого направления семиотических исследований, как Московско-тартуская семиотическая школа. Интересы ученого охватывают семиотику культуры, искусства, науки, кино, языка, литературы, мифологии, театра, нейросемиотику и др. Отмечая роль семиотики в изучении города как культурного пространства, Вяч. Вс. Иванов выделяет аспекты семиотического исследования культурной истории большого города, которые мы тезисно изложим применительно к семиотике культурного пространства Минска.

Роль большого города. «Роль больших городов, – пишет ученый, – непрерывно увеличивается не только в развитых странах, но

и в “третьем мире”, где нередко значительная часть всего населения сосредоточивается в одном большом городе» [1, с. 165]. Этот тезис подтверждается количественными выкладками, приведенными в документальной ленте Urbanized (США, Великобритания, 2011), посвященной исследованию проблемы городской планировки в условиях ускоренных темпов урбанизации.

Диаграмма ярко иллюстрирует все большее смещение мира к городскому проживанию, резкий приток городского населения и стремительное развитие городской среды. Если в догреческую, доримскую эпоху города росли медленно, пока численность приближалась к миллиону, проходили века, то к середине XX в. в городах жило 10 % населения мира, в 2010 г. уже 50 %. Как видно из диаграммы (рисунок 1), если урбанизация продолжится такими же темпами, то к 2050 г. в городах будет жить около 75 % населения.

Высокие темпы урбанизации наблюдались в Минске в 1950–1970-е гг. (данные с 1950 г. по 1990 г. представлены по книге З. Шибeko [2, с. 186]), когда за счет миграции произошел очень быстрый рост города, полу-

чивший название минского феномена, изучением которого занимался немецкий историк Т. Бон [1]. Темпы роста Минска с 1950 по 2015 г. можно проследить по предлагаемой диаграмме (рисунок 2).

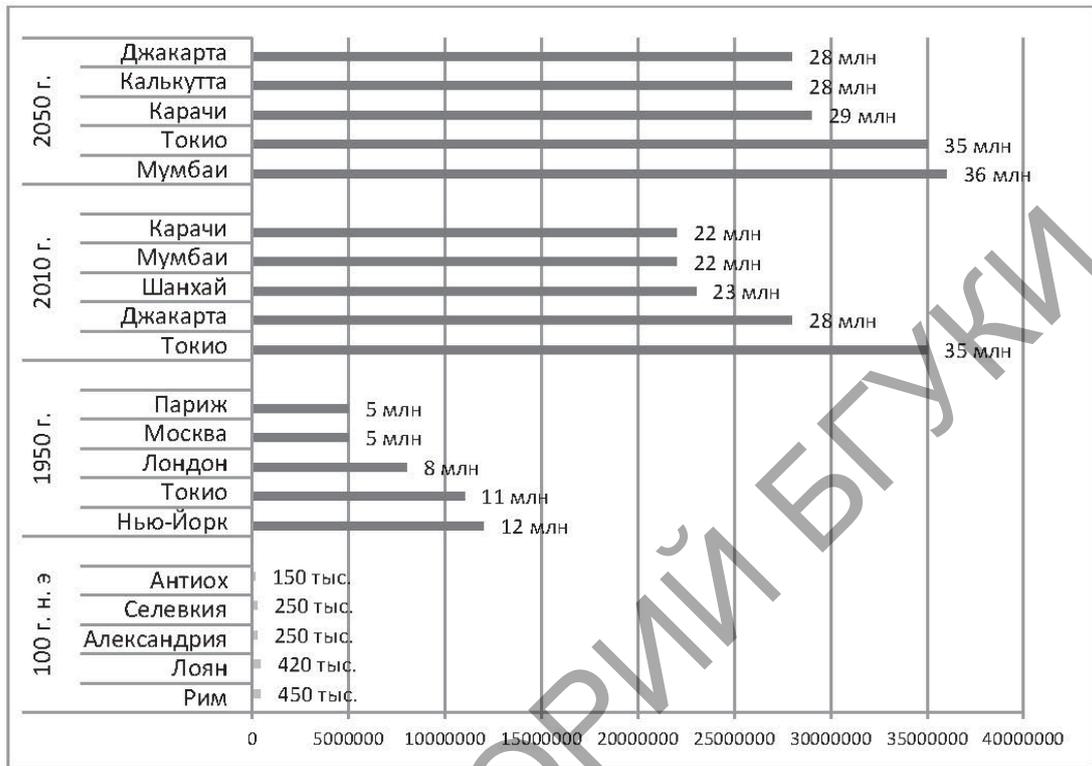

Рисунок 1 – Темпы урбанизации

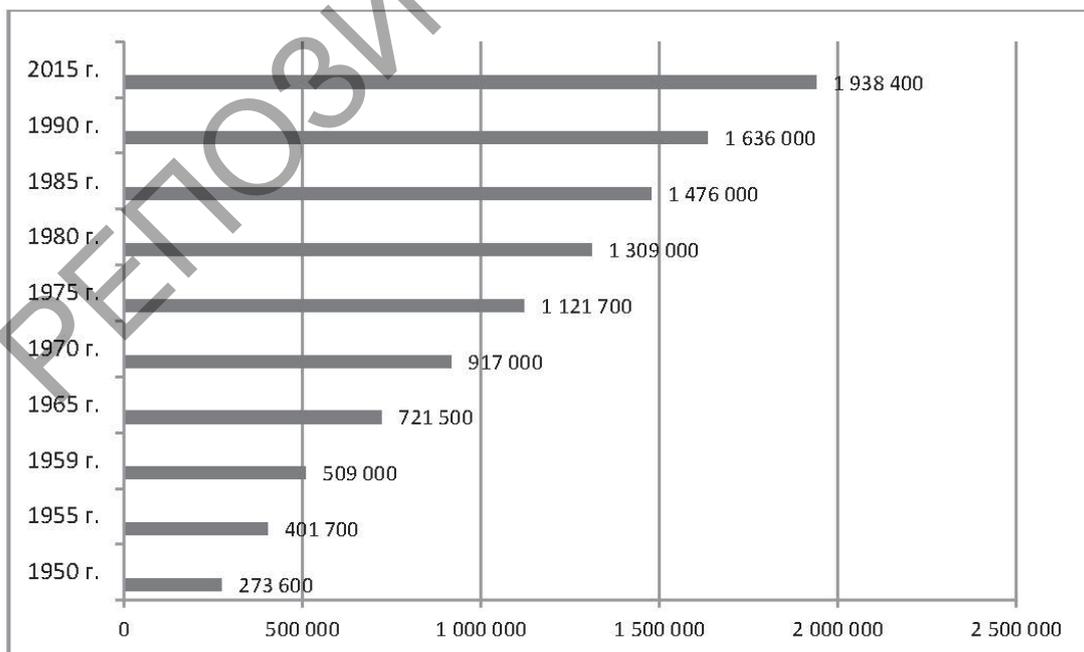

Рисунок 2 – Темпы роста Минска

Исследование семиотики города и его частей, как отмечает Вяч. Вс. Иванов, важно при решении проблем экономики: «Достаточно давно уже был сделан вывод о том, что и для собственно экономических задач основной оказывается социальная оценка – суждение жителей о степени символической притягательности той или иной части города» [1, с. 165]. Закономерна экономическая притягательность символических мест для организации бизнеса: кафе, ресторанов и т. п. В последние годы все больший интерес жителей и туристов привлекает историческая часть Минска: даже в качестве места отдыха или проведения праздничного мероприятия выбирается место с историей. Например, гостиничный комплекс «Монастырский» на ул. Кирилла и Мефодия в Верхнем городе (рисунок 3) – историческом центре Минска – расположился в восстановленном здании монастыря бернардинцев. Монастырь в середине XVII в. был одним из центральных мест города. После подавления восстания 1863–1864 гг. монастырь использовали как тюрьму, где находились под следствием участники восстания. Во второй половине XIX в. здание передали военному ведомству [4].

Рисунок 3 – Гостиничный комплекс «Монастырский» на улице Кирилла и Мефодия, 6

Гостям отеля для проживания предоставляются бывшие монастырские кельи – здания с сохранившейся кладкой XVII в. Трапезничать

предлагается также в старинном здании со сводчатыми потолками. В названии ресторана «Лавский», расположенного в отеле, сохраняется культурная память о Лавском мосте (XVI в.), который связывал Троицкое предместье с Верхним городом, соединял улицу Плебанскую (позже – Широкою, отсюда второе название моста Широкий) с улицей Зыбицкой (рисунок 4). Помимо непосредственного назначения пешеходного моста, являлся также одним из торговых путей. Лавами называлось торговое предместье между ул. Зыбицкой (Торговой) и Свислочью, где концентрировалась торговля молочными продуктами. Лавский мост был разобран в середине 1960-х г. в связи со строительством павильона Выставки достижений народного хозяйства БССР (ныне – Национальный выставочный центр «БелЭкспо») и благоустройством набережной. Можно предположить, что название моста связано с магдебургским правом, когда город получил право общинного управления и суда. Городское общество избирало органы самоуправления. Такими органами были рада и лава. Рада, совет, состояла из бурмистров и радцев, заведовала хозяйством города, его благоустройством и разбирала гражданские дела горожан. Лава, судебная коллегия, состояла из войта и присяжных лавников, которым подлежал суд по уголовным делам [5]. Возможно, жители дали название мосту, ведущему к Верхнему городу, ратуше, где заседала лава.

Рисунок 4 – Рисунок неизвестного художника. Вид Минска с Троицкой горы (конец XVIII – начало XIX в.)

Морфологический состав. «Основные отличия города, по мнению Вяч. Вс. Иванова, определяются полнотой морфологического состава, где с каждой функцией соотнесен выделенный элемент города» [1, с. 166]. Структура города «включает и храм – религиозный центр, и дворец – средоточие административной власти, и крепость – военный опорный пункт, и рынок (или функционально его заменяющий торговый центр), и библиотеку-архив (чаще всего во дворцах и храмах). Центры всех этих видов деятельности, находившиеся в большом городе, определяют тяготение к нему окрестных территорий» [1, с. 166].

Структуру минского ландшафта организуют храмы – костел Святого Симеона и Святой Елены, Кафедральный собор Сошествия Святого Духа, Архикафедральный собор Пресвятой Девы Марии, Свято-Петро-Павловский собор, Церковь Святой равноапостольной Ма-

рии Магдалины (рис. 5–9), дворцы – Дворец Республики, Дворец Независимости, Дом правительства, *военный опорный пункт* – Министерство обороны Республики Беларусь, Комаровский рынок и Национальная библиотека Беларуси.

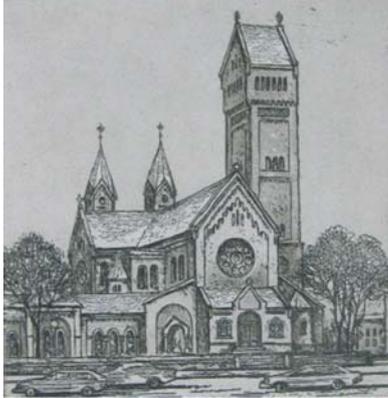

Рисунок 5 – Костел Симона и Алены.
А. Кашкурович

Рисунок 6 – Минское барокко. 2012.
А. Кашкурович

Рисунок 7 – Костел Девы Марии.
А. Кашкурович

Рисунок 8 – Церковь Петропавловская.
А. Кашкурович

Рисунок 9 – Церковь Марии Магдалины. А. Кашкурович

Разнообразие этих элементов свидетельствует о переменности центрирования городского пространства и полноте морфологического состава города, выделяющего его среди ряда других городов и обеспечивающего уникальность.

Тип организации. Город моделируется как вселенная, поэтому «его организация отражает структуру мира в целом» [1, с. 167]. Вяч. Вс. Иванов говорит о двух универсальных геометрических типах организации города – четырехугольной и круговой, восходящих к архетипическим символам, которые «используются в качестве моделей мира» [1, с.167]. При этом город может быть иной сложной геометрической формы, но «описываться на символическом уровне... как круг или как квадрат, вписанный в круг (мандалу)». Исследователь также указывает на геометрически выраженное «различие сакральной и несакральной (мирской) частей города», которое «символизируется противопоставлением верх – низ» [1, с. 168].

Минску присуща ветвисто-веерная (радиально-кольцевая) планировка, обусловленная ростом древнего города от центра – Замчища за Городской Вал, за которым вдоль дорог строились слободы. «Постепенно разрастаясь вдоль загородных дорог и образуя радиальную систему плана, Минск все больше членился на “аристократическую гору” и “демократический подол”» [6].

Культовые доминанты городского пространства. Культовые доминанты, минские возвышенности (Замчище, Троицкая гора, район площади Свободы и район Юбилейной площади) разделяют пространство на сакральную зону – Высокий город (рынок) и профанную – Низкий город (рынок), образуя оппозицию (бинарность), составляющую сущность городского пространства.

Минск возник как оборонительный центр Полоцкого княжества. Минский замок был окружен

Рисунок 11 – Реконструкция Минского храма. Арх. Г. А. Лаверецкий

мощным дубово-земляным валом, что давало военные преимущества. С востока городище защищала река Свислочь, с севера – болото, а река Немига, распадаясь на два рукава, огбиала его с юга и востока. Исследователи объясняют выбор местоположения любого древнего города также и сакральной защитой, возможностью вписать его жителей в универсальную мифологическую концепцию мира, в которой прослеживается связь неба и земли [7, с.181]. Город (и его крепость) на горе символизирует мировую ось (мировое дерево) и центр мира [8, с. 266].

Минский замок – центр Минска XI–XVI вв. Здесь находились крепость, княжеский замок – резиденция минских князей, где в эпоху ВКЛ жили великокняжеские наместники, и церковь (рисунок 10–12). В конце XVIII в. это место называлось Старый город, Старый замок, Замокская гора, или Замчище (сегодня название сохранилось в наименовании остановки транспорта), но постепенно происходит стирание памяти, и в конце XIX – начале XX в. место становится точкой торговли, выполняет экономическую функцию и называется Низкий город или Низкий рынок (до 1928 г., с 1931 г. – Площадь 8 марта). После войны в ходе реконструкции города остатки старого замка снесли, а возвышение скопали.

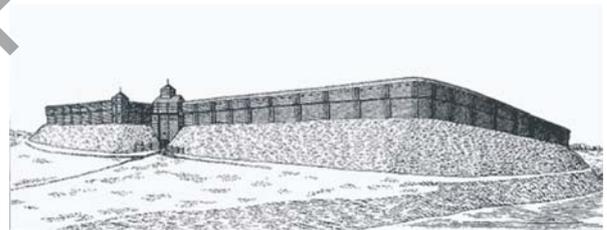

Рисунок 10 – Панорама минской крепости. Реконструкция Э. М. Загоруйского
Источник: Э. М. Загоруйский. Возникновение Минска. – Минск : Изд-во БГУ, 1982

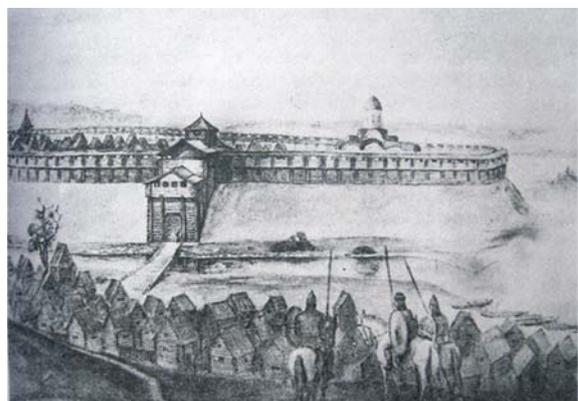

Рисунок 12 – Стащенюк. Реконструкция минского замка

Низкий город исчез, часть его преобразовалась в Высокий город, или Высокий рынок (площадь Свободы). Эту возвышенность называли Верхним городом в противовес Низкому, который раскинулся в долине Немиги. Верхний город с середины XVI в. строится по европейскому образцу и становится во времена Речи Посполитой новым историческим центром Минска (рисунок 13). Архитектурный ансамбль включал торговую площадь, построенные в XVI–XVIII вв. храмы и ратушу, а также торговые ряды и магазины. Заметим, что «главный элемент композиции городского плана – Верхняя торговая площадь – по пропорциям приближалась к квадрату» [6].

Рисунок 13 – В. Шарков. Минск. Утро в Верхнем городе. 2012

После вхождения города в состав Российской империи образуется новый центр города, называемый Новый город, ключевым сооружением которого становится Архиерейский (Юбилейный) дом (рисунок 14). Однако Верхний город сохраняет за собой роль исторического центра.

Рисунок 14 – Архиерейский дом и церковь Покрова Пресвятой Богородицы (Крестовая)

Базовый структурный элемент городского культурного ландшафта – гора. В сакральной минской символике архетип горы материализуется в самом древнем городском формирова-

нии – Троицкая (Траецкая) гора. Восприятие горы как чего-то священного, близкого к небу и богам свойственно для архаичных культур. Р. В. Боровой, опираясь на письменные источники, указывает, что Троицкая гора в XVI–XVII вв. называлась «Старым местом» («Старым рынком»). Совпадение названия горы с именем одной из находившихся на ней церквей (известной по документам конца XV в.) позволяет Р. В. Боровому предположить, что «оба эти названия восходят к древнейшему топонимическому пласту города (XI–XII вв.)» [9, с. 130]. Как доказательство древности Троицкой горы Р. В. Боровой приводит сведения, что выстроенный на горе Свято-Вознесенский монастырь в документах XV в. назван древним. Кроме того, исследователь определяет на горе местонахождение церкви Святых Бориса и Глеба и улицы Глебо-Борисовской (храмы в честь первых русских мучеников строились в XII–XIII вв.) и отмечает, что первым минским князем был Глеб Всеславич. Историк выдвигает гипотезу, что «поселение на Троицкой горе могло возникнуть одновременно с замком», но более вероятно «предшествовало замку (возникло не позднее IX–X вв.)...» [9, с. 130–132], и в этом случае можно говорить о Троицкой горе как о наиболее древнем топониме наравне с топонимом Замчище – местонахождении минского замка.

Со временем именование горы как культовой доминанты перенесено на исторический район на левом берегу Свислочи. Культурная память актуализирована в названии сквера Троицкая Гора (2013), в котором располагается Национальный академический Большой театр оперы и балета, в топониме Троицкое предместье, именуящем реконструированную историческую застройку конца XVII–XIX вв. – место памяти о древнем городе, топонимах Старотроицкая площадь и Троицкая набережная (бывшая Коммунальная, переименована в 2010 г.).

Золотой горкой в конце XVIII в. называли холм, на котором располагалось католическое кладбище с деревянной каплицей (Залатогорскія могілкі). После пожара 1809 г., когда сгорел Фарный костел (Святой Троицы) на Троицкой горе, богослужения были перенесены на Золотую горку, в каплицу, в дальнейшем перестроенную в каменный костел, освященный под двойным титулом Успения Пресвятой Девы Марии и Святого Рох, также был сохранен титул Святой Троицы (рисунок 15). На кладбище были похоронены жертвы эпидемий холеры 1848 и 1953 г., а святой Рох (канонизированный монах-француз, посвятивший жизнь уходу за больными) считался защитником от чумы и холеры. Современная улица Золотая Горка, до 1987 г. называвшаяся улицей Ради-

стов, ознаменовала начало возвращения городу исторических имен.

Рисунок 15 – Костел Святого Роха

Как видно из приведенных примеров, самой важной точкой горы становится храм – особый городской ориентир. К храмам вели улицы, в честь которых они были названы. Комплекс монастыря бернардинок (1642–1648) дал имя Бернардинской улице. Также получили названия улицы Францисканская (с конца XVII в. по 1832 г. находился комплекс монастыря францисканцев) и Доминиканская (с нач. XVII в. по 1832 г. находился комплекс монастыря доминиканцев, рисунок 16, 17). Белоцерковная, Воскресенская (располагалась церковь Вознесения Христова, упоминаемая как древняя в минских актах XVII в., в 1856 г. была разобрана из-за ветхости), Сборовая, а позже Преображенская были названы по имени располагавшихся на них храмов. На Юрьевской улице располагалась Юрьевская (Георгиевская) церковь, Школьная улица, вероятно, получила название от школы иезуитов, существовавшей в XVIII в.

Рисунок 16 – Костел Святого Фомы Аквинского

Рисунок 17 – Улица Доминиканская, слева – костел Святого Фомы Аквинского.

Автор: J. Kuroczynski (J. Kuračynski).

Источник: В. Каляда. Мінск. Учора і сёння. – Мінск : Беларусь, 1989

Так, улица Козьмодемьяновская соединяла Верхний город и район Замчища на Немиге. Название улица получила от православного, в дальнейшем униатского монастыря Свв. Козьмы и Демьяна, который в XVI–XVII вв. находился на холме, недалеко от современной площади Свободы, называвшейся с 1860-х гг. по 1917 г. Соборной.

Ворота города. Значимой семиотической особенностью города Вяч. Вс. Иванов считает сакральную интерпретацию ворот города. В древности ворота города были не только входом. Это было место торговли, суда, здесь устраивали собрания. Ворота также символизировали главную часть православного храма – царские врата. Если неприятель захватывал ворота, город мог не устоять. Когда принималось решение сдать город, захватчикам вручались ключи, открывающие ворота.

Раскопки минского замка после войны вдохновили архитектора Б. Рубаненко на создание одного из знаковых символов минского пространства, определяющих уникальность, особость города – башен на Привокзальной площади (1947–1953), символизирующих въезд в город (рисунок 18). Архитектор воссоздал две башни по реконструкции археолога Э. М. Загоруйского. Интересно, что Язэп Дроздович изобразил минский замок с двухбашенными воротами на рисунке «Городец» еще в 1920 г. (рисунок 19), это также наделяет образ ворот города сакральным смыслом. В 1984 г. при строительстве станции метро «Немига» археологами были найдены древние ворота минского замка, и появилась новая версия о форме ворот – однобашенная.

Ворота Минска – исторически укрепленный в культурном пространстве код – символизируют связь с традицией, становятся концептуальным символом-репрезентантом.

Трагедия и миф о герое как градообразующие факторы. Ключевой особенностью семиотики города Вяч. Вс. Иванов называет связь трагедии с мифологией раннего города, с его основанием. Трагедию, травматическое событие, травматическое воспоминание относят к мифообразующему аспекту городской культуры, градообразующему фактору.

Главный текст города Минска – история его основания (первое упоминание в «Повести временных лет») – строится на трагических событиях битвы на Немиге (рисунок 20), в результате которой день рождения города стал днем его гибели.

«С семиотической точки зрения, отмечает далее ученый, особый интерес вызывает функ-

ционирование города как личности» [1, с. 172]. Происхождение Минска восходит к мифу о культурном герое – основателе города Менеске, что обусловлено свойственной человеку сакрализацией пространства, заложенной в основу его культуры. Персонифицированное представление о Минске происходит на лингвистическом уровне (по грамматическому роду: богатырь и чародей Менеск).

Варианты предания о герое-основателе – богатыре, знахаре и волшебнике Менеске, построившем на Свислочи каменную мельницу о семи колесах, в которой мука мололась из камней, впервые были предложены П. М. Шпилевским в этнографическом исследовании «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» (1854) и позже А. Н. Сергеевым в «Преданиях о некоторых русских городах и местностях» (1892).

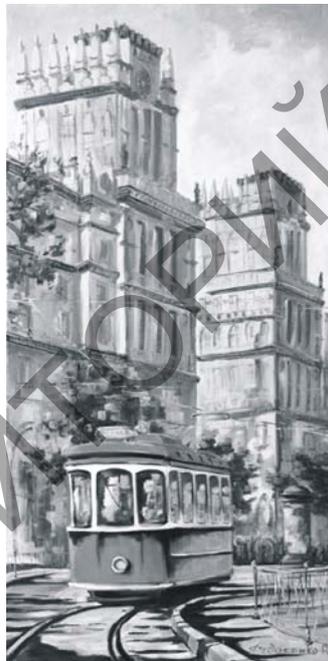

Рисунок 18 – Р. Федосенко. Минск. Ворота города. 2014

Рисунок 19 – Я. Дроздович. Городец. 1920

Рисунок 20 – М. Филиппович. Битва на Немиге. 1922

Автор «Историко-географического словаря» З. Доленга-Ходаковский, применявший метод использования в исторических исследованиях данных исторической географии, хотя и подчеркивал значение языческой обрядности в образовании географических названий, критически относился к попыткам возводить топонимику к мифологическим князьям и героям. «Нескладные сии выдумки летописцев, – писал Ходаковский, – а может быть только их переписчиков, не заслуживают повторения» [цит. по: 10, с. 121]. Ф. Я. Прийма приводит следующий факт: «На полях “Истории государства Российского”, в том месте, где Карамзин уверенно производит название города Турова Минской губернии от имени варяга Тура, “повелевавшего некогда сей областью”, Ходаковский иронически добавляет от себя: “который был с рогами”» [цит. по: 10, с. 121]. По мнению ученого, состав и характер топонимики обусловливали устойчивые и долговременные особенности жизни и быта древних обитателей края.

Многоязычие. «Одной из самых существенных семиотических особенностей большого города, подчеркивает Вяч. Вс. Иванов, по-видимому, с самого начала его истории является многоязычие и разноэтничный состав» [1, с. 173].

Минск отличался и этническим, и языковым многообразием (здесь переплелись белорусская, польская, русская, татарская, еврейская культура) и в последующие века оставался разноразличным городом, пестрым по этническому составу, что позволило автору «минских историк» М. Я. Володину сравнить образ города с Вавилоном [11].

Среди особенностей большого города Вяч. Вс. Иванов указывает на различие «той части города, где сосредоточена элита (часто и соответствующие учреждения, например, царский дворец), и части, заселенной плебсом» [1, с. 177]. Современный Минск, как и любой другой город, делится на центральную часть, где находятся главные культурные, культовые и административные учреждения, и так называемые спальные районы.

Роман о городе. В заключительной части исследования ученый обращается к прозе и поэзии, посвященным городу. Характерной чертой в истории города Вяч. Вс. Иванов называет соотношение большого города «из разных жанров европейской литературы» с жанром романа [1, с. 177].

Романы, где местом действия на разных исторических этапах и одним из героев становится Минск, немногочисленны, но оттого еще более ценны.

Минск Литовский с весны 1918 по август 1919 г. – место действия трилогии С. Песецкого

«Яблочко», «Гляну я в окошко» и «Никто не даст нам избавленья» (1946–1947). В произведениях автора представлены минские реалии – Соборная площадь, Кафедральный собор, улицы Захарьевская, Койдановская, Комаровский и Нижний рынок. Дух советского времени (1920-е гг.), история патриархальной еврейской семьи, живущей на минской окраине, переданы в романе М. Кульбака «Зелменяне» (1930). В романе И. Мележа «Минское направление» (1954) изображен город во время немецкой оккупации и его освобождение. Оккупированный Минск и город послевоенный 1950 – 1960-х гг. с его знаковыми, узнаваемыми и любимыми минчанами местами – «Лакомка», Центральный книжный, ГУМ, кинотеатр «Центральный» и многими другими – становится героем романов А. А. Станюты «Городские сны» (2009) и «Минская любовь» (2011). Трагическая гибель П. Машерова и жизнь в Минске в 80-е гг. XX в. отражена в романе Л. К. Левановича «Бесядзь цячэ ў акіян» (2007). Город 1999–2000-х гг. предстает в романе С. Филипенко «Бывший сын» (2013), футуристический Минск показан в романе В. Мартиновича «Мова» (2014). Минск становится местом действия у авторов «женских» романов Н. Н. Батраковой «Территория души» (2002) и Т. Г. Лисицкой «Тихий центр» (2007) и детективов О. Тарасевич «Сокровище князей Радзивиллов» (2010) и С. А. Трахименка «Записки "черного полковника"» (2010), в которых часть действия происходит в столице.

В качестве примера поэзии о городе, взгляда на него глазами приезжего, можно привести стихи современного русского поэта Вс. Некрасова «Из минских заметок» (2004), в которых отражены значимые символы Минска – железнодорожный вокзал, Михайловский сквер, Свислочь, Немига, Троицкое предместье, музеем валунов.

Заключение. Таким образом, рассмотрев предложенные Вяч. Вс. Ивановым аспекты семиотического изучения культурной истории большого города, мы приходим к выводу, что семиотический подход к исследованию Минска позволяет осмыслить город по-новому как категорию культуры, уникальное символическое пространство, обладающее культурным потенциалом; стимулирует к поиску новых аспектов в изучении города, актуализирует более глубокое познание минского культурного ландшафта. Расширение поля городских исследований объясняется точным высказыванием ученого: «Город в истории одновременно и настолько новое явление, что каждое следующее поколение заново начинает ему изумляться, и настолько древнее, что это удивление передается нередко образами многотысячелетнего возраста» [1, с. 179].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов, Вяч. Вс.* К семиотическому изучению культурной истории большого города / Вяч. Вс. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры : в 7 т. – М. : Языки славянских культур, 2007. – Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т теории и истории мировой культуры. – С. 165–179. – (Язык. Семиотика. Культура).
2. *Шыбека, З.* Роля сталіцы / З. Шыбека // Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет : курс лекцый / З. Шыбека. – Вільня : ЕГУ, 2009. – С. 176–200.
3. *Бон, Т.* Минский феномен. Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны / Т. Бон. – М. : РОССПЭН, 2013. – 414 с.
4. *Дзянісаў, У. М.* Касцёлы г. Мінска ў XVI – пачатку XX стст. (паводле дакументаў НГАБ) / У. М. Дзянісаў // Национальный исторический архив Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://niab.by/stat/dzianisau_kascioly/. – Дата доступа: 20.07.2015.
5. *Довнар-Запольский, М. В.* Города / М. В. Довнар-Запольский // История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/read/dovnarzapolskiy_mitrofan/istoriya_belarusi.html#446548. – Дата доступа: 20.07.2015.
6. *Потапов, Л. С.* Силуэт Минска [Электронный ресурс] / Л. С. Потапов. – Режим доступа: <http://minchanin.esmasoft.com/books/skyline/>. – Дата доступа: 20.07.2015.
7. *Солнцев, Н. И.* Формирование сакральной символики русского средневекового города / Н. И. Солнцев // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1). – С. 180–187.
8. *Топоров, В. Н.* «Мировое дерево»: универсальный образ мифопоэтического сознания / В. Н. Топоров // Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы : в 2 т. / В. Н. Топоров. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Т. 1. – С. 263–289.
9. *Боровой, Р. В.* Минские древности. «Старый город» средневекового Минска по письменным источникам / Р. В. Боровой // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2000. – № 15. – С. 128–131.
10. *Прийма, Ф. Я.* Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Игоридой» / Ф. Я. Прийма // «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. – Л. : Наука, 1980. – С. 109–129.
11. *Володин, М.* Наш старый добрый Вавилон. Прогулка по городу в Минских историях / М. Володин. – Минск : МедиаЛ, 2014. – 168 с.

REFERENCES

1. *Ivanov, Vyach. Vs.* K semioticheskomu izucheniyu kulturnoy istorii bolshogo goroda / Vyach. Vs. Ivanov // Izbrannyye Trudy po semiotike i istorii kultury: v 7 t. – M.: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007. – T. 4. – Znakovyye sistemy kultury, iskusstva i nauki / Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova, In-t teorii i istorii mirovoy kultury. – S. 165–179. – (Yazyk. Semiotika. Kultura).
2. *Shybeka, Z.* Rolya stalitsy / Z. Shybeka // Garadskaya tsyvilizatsyya: Belarus i svet: kurs lektsyy / Z. Shybeka. – Vilnya : YeGU, 2009. – S. 176–200.
3. *Bon, T.* Minskiy fenomen. Gorodskoye planirovaniye i urbanizatsiya v Sovetskom Soyuze posle Vtoroy mirovoy voyny / T. Bon. – M. : ROSSPEN, 2013. – 414 s.
4. *Dzianisau, U. M.* Kastsyoly g. Minska u XVI – pachatku XX stst. (pavodle dakumenta NGAB) / U. M. Dzianisau // Natsionalnyy istoricheskiy arkhiv Belarusi [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://niab.by/stat/dzianisau_kascioly/. – Data dostupa: 20.07.2015.
5. *Dovnar-Zapolskiy, M. V.* Goroda / M. V. Dovnar-Zapolskiy // Istoriya Belorussii / M. V. Dovnar-Zapolskiy // Elektronnyaya biblioteka RoyalLib.com [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://royallib.com/read/dovnarzapolskiy_mitrofan/istoriya_belarusi.html#446548. – Data dostupa: 20.07.2015.
6. *Potapov, L. S.* Siluet Minska [Elektronnyy resurs] / L. S. Potapov. – Rezhim dostupa: <http://minchanin.esmasoft.com/books/skyline/>. – Data dostupa: 20.07.2015.
7. *Solntsev, N. I.* Formirovaniye sakralnoy simvoliki russkogo srednevekovogo goroda / N. I. Solntsev // Vestn. Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo. – 2012. – № 6 (1). – S. 180–187.
8. *Toporov, V. N.* “Mirovoye derevo”: universalnyy obraz mifopoeticheskogo soznaniya / V. N. Toporov // Mirovoye derevo. Universalnyye znakovyye komplekxy: v 2 t. / V. N. Toporov. – M. : Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi, 2010. – T. 1. – S. 263–289.
9. *Borovoy, R. V.* Minskiye drevnosti. “Staryy gorod” srednevekovogo Minska po pismennym istochnikam / R. V. Borovoy // Gistarychna-arkhealagichny zbornik. – 2000. – № 15. – S. 128–131.
10. *Priyma, F. Ya.* Zorian Dolenga-Khodakovskiy i yego nablyudeniya nad “Igoridoy” / F. Ya. Priyma // “Slovo o polku Igoreve” v russkom istoriko-literaturnom protsesse pervoy trety XIX v. – L. : Nauka, 1980. – S. 109–129.
11. *Volodin, M.* Nash staryy dobryy Vavilon. Progulka po gorodu v Minskikh istoriykakh / M. Volodin. – Minsk : Medial, 2014. – 168 s.